

характеристики и всю сумму характеризующих их данных в «Истории» Иоанна Кантакузина — источнике, содержащем основную массу упоминаний о «месой», используемых исследователями для суждения об этой группе населения поздневизантийского города. В. Н. Завражин поставил перед собой задачу суммировать все данные этого памятника о социальном облике и характере «месой». В результате анализа текста «Истории» Кантакузина он приходит к выводу о том, что «сведения Кантакузина о „месой“ дают основания определять их как торгово-ростовщические круги, тесно связанные в своей деятельности с местной торговлей. Эти данные не позволяют видеть в „средних“ нарождающиеся буржуазные элементы. Наоборот, прослеживаемая у Кантакузина общность интересов „месой“ с феодальной аристократией свидетельствует не в пользу роста самостоятельности „нового предпринимательского класса“, а скорее о характерном для Византии усиливавшемся подчинении тор-

гово-ростовщической верхушки города власти феодальной аристократии» (с. 230). Хотя понятие «месой» иногда рассматривалось византийскими авторами несколько шире и в формальном аспекте («средние» как средние между «богатыми» и «бедными»), автор правильно сосредоточил свое внимание на тех данных, которые могут в какой-то мере характеризовать средних как некую новую, возможно «предбуржуазную», социальную группу. Его наблюдения представляют несомненный интерес именно потому, что они становятся в один ряд с данными, не подтверждающими активного развития элементов раннекапиталистических отношений в поздневизантийском городе.

В целом вся группа статей по византийской тематике в сборниках «Средневековый город» в определенной мере оттеняет черты типологического своеобразие развития византийского города по сравнению с городом других регионов.

Л. Н. Заливалова

Я. Н. Любарский. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М.: Наука, 1978. 284 с.;

Михаил Пселл. Хронография / Перевод, статья и примечания Я. Н. Любарского. М.: Наука (Памятники исторической мысли), 1978. 320 с.

Исследование Я. Н. Любарского привлекает внимание уже самим выбором темы: Михаил Пселл — один из крупнейших, наиболее плодотворных и ярко талантливых писателей Византии за всю ее историю, а может быть, один из наиболее значительных писателей всего европейского региона за период с VII по XI столетие.

Несмотря на то что изучению огромного литературного наследства Пселла и самой его личности уделено в мировой историографии большое внимание, до сих пор еще ни один исследователь ни в отечественной, ни в зарубежной науке не подвергал методическому литературоведческому анализу столь обширную совокупность произведений Пселла в тесной связи с изучением жизненного пути автора, его личности и мировоззрения. Я. Н. Любарский исследовал около 600 писем Пселла, около 80 его риторических сочинений и «Хронографию», представляющую собой шедевр литературного творчества писателя. Помимо опубликованных сочинений Пселла, Любарский привлек в микрофильмах ряд его неизданных произведений, в том числе недавно ставшую известной (пока еще узкому кругу специалистов) так называемую «Краткую историю» писателя (рукопись Синайского монастыря св. Екатерины, № 1117). Около четверти упомянутых риторических сочинений Пселла частично или полностью изучено Любарским также по рукописям.

Византинисты-историки, в особенности советские, достигли в течение последних десятилетий существенных успехов в обосновании концепции поступательного развития византийского общества в рамках феодальной общественно-экономической формации. К сожалению, в марксистском

литературоведении до недавнего времени успехи были, по нашему мнению, несколько более скромными. В западной историографии по-прежнему господствуют представления о византийской литературе как литературе, почти лишенной развития, оригинальности, борьбы идей, новых концепций и эстетических идеалов. Труд Я. Н. Любарского, как и книга А. Д. Алексидзе «Мир греческого рыцарского романа. XIII—XIV вв.» (Тбилиси, 1979), приобретает в этой связи принципиальное значение.

Упомянутая презумпция неизбежного «шаблона» и «костности», на наш взгляд, в исследовании Любарского, основательно подорвана. На примере творчества Пселла ученый показал жанровое богатство и своеобразие византийской литературы, ее эстетическую ценность, ее злободневность и остроту идейных столкновений в ее недрах.

Соответственно заглавию, книга распадается на две почти равные части. Первая часть («Личность», с. 3—124) состоит из трех глав. Первая глава («Загадка личности и проблема мировоззрения: Некоторые итоги изучения», с. 3—21) носит характер историографического введения и дает представление о существе наиболее спорных и слабо исследованных проблем, связанных с личностью писателя и его мировоззрением. В этой же главе автор говорит и о методе своего исследования: через «многообразные отношения с современниками» писателя постигать его личность и мировоззрение — метод, обычный для современного литературоведения, но редко применявшийся в отношении литературы средневековья. Огромное эпистолярное наследие Пселла, исключительное для той эпохи, позволило автору использовать эту плодотворную методику.

Вторая глава («Биография», с. 22—35) основана на рекордно обширном материале (прежде всего произведений самого писателя), который когда-либо раньше привлекался в историографии для восстановления вех жизненного пути философа. Весьма серьезные дополнительные факты и соображения, приведенные Любарским в пользу гипотезы о времени смерти писателя (не в 1078, а намного позже — может быть, в 1097 г.) (с. 32—35).

Основное содержание первой части книги составляет ее третья глава «Михаил Пселл и его современники» (с. 36—124). Жизненный путь писателя пересекался с путями крупнейших политических, военных и культурных деятелей империи того времени, и отношения философа с ними нашли отражение в его богатейшей личной переписке, которая, по выражению Любарского, представляет собой настоящую «человеческую комедию» Византии XI столетия (с. 36). Учитывая хронологию писем, исследователь предпочел, однако, сгруппировать их не по хронологическому принципу (соответственно этапам жизни и творчества автора), а по их адресатам, поскольку в обращении к тому или иному лицу или однородной группе лиц Пселл оборачивался той или иной стороной своей многогранной натуры, полнее раскрывая свой внутренний мир (с. 37—39). Любарский делит письма Пселла на 12 групп, из которых 7 представляют письма отдельным лицам, а 5 — группам лиц («интеллектуалам», монахам, фемным судьям, племянникам патриарха Кирулария, императорам дома Дук).

Интерпретированный Любарским в этой главе материал, помимо раскрытия жанрового богатства византийской эпистографии, значительно обогащает исторические знания об империи времени жизни писателя. Изучение писем Пселла позволило исследователю существовать полнее, чем это было сделано до него, воссоздать духовную атмосферу в византийском обществе XI в., вскрыть основные идеологические течения и в придворных кругах, и в среде интеллектуальной элиты.

Наблюдения автора в этой главе суммированы и обобщены в заключительной ее части («Вместо заключения. Византийская «дружба» и личность писателя», с. 117—124). Любарский впервые в историографии разработал не только морально-нравственный и философский аспекты византийского понятия «дружбы» (*φιλία*), но также социальное и общественное значение этой богатой оттенками формы личностных связей той эпохи.

Термин «дружба», которым Пселл и его корреспонденты характеризовали свои отношения, является, как показал автор, весьма отдаленным аналогом современных понятий, выражающих разную степень приятельских связей. В условиях кризиса государственно-политического строя империи, разразившегося в период активной деятельности Пселла, «дружба» обрела значение субститута официальных должностных связей, превратилась нередко в более эффективно, чем эти связи,

нелегально действующую систему личностных отношений, игравшую серьезную роль в общественной жизни и в самом функционировании имперского аппарата власти.

Что касается личности Михаила Пселла, то в споре со своими предшественниками, либо стремившимися идеализировать византийского философа, либо представлявшими его как живое воплощение пресловутого «византизма», соединение в одном лице самых темных сторон человеческой натуры, Любарский поставил задачу как можно полнее и многостороннее осветить и положительные и отрицательные черты характера писателя. В результате исследователь пришел к выводу, что произведенный им анализ не только не снял, но заметно увеличил противоречия личности Пселла (с. 244), что в личности Пселла не оказалось «почти ни одной черты, поддающейся однозначному определению или оценке. Грани его образа нечетки и размыты, одни свойства переходят в другие и почти ни одно из них нельзя занести только в нравственный „актив“ или „пассив“ писателя» (с. 123—124). В многогранной натуре философа Любарский подчеркивает такие черты, как ощущение своего интеллектуального превосходства, столь не свойственное христианскому смирению его предшественников и современников, необычная для той эпохи терпимость к чуждому мнению и к нарушению общепринятых норм морали, «эпикурейско-гориацианское» отношение к жизни, противостоящее монашеско-аскетическому идеалу той поры. «Безусловно, — пишет Любарский, — грани между „нравственной гибкостью“ и моральной беспринципностью, а то и прямым предательством часто бывают едва различимы, и Пселл, как никто другой, умел их переступать. . . Пселл проявлял себя человеком, постоянно готовым к компромиссам и маневрированию, проявлениям сервилизма. Эти его свойства — обратная сторона „нравственной гибкости“ — особенно бросаются в глаза при сравнении его с прямыми и твердым в своих принципах Мавроподом» (с. 122—123).

Вторая часть книги («Творчество», с. 125—247) распадается на четыре главы, нумерация которых является продолжением нумерации глав первой части. В главе четвертой («Эстетические взгляды и литературная позиция», с. 130—151) автор приходит к выводу о двойственности и противоречивости литературно-теоретических и эстетических взглядов Пселла. Их неустойчивая система, по мысли Любарского, представляет собой в целом «христианизированную позднеантичную эстетику» с чертами средневекового сознания (с. 151).

Пятая глава («Томительная риторика», с. 152—174) посвящена изучению на примере творчества Пселла того жанра византийской литературы, который чаще всего в ученых исследованиях приводился как яркий образец бессодержательного и утомительного пустословия. Решительно и справедливо отвергая со-

временные эстетические критерии при оценке риторических произведений XI в., исследователь показал место этого жанра в общем литературном процессе того времени. По заключению автора, в эту эпоху происходило возрождение раннехристианской риторики, вытеснявшей господствовавшую до того агиографию. Эта риторика, которой было свойственно субъективное начало и теплота чувства, «вбирала в себя свойства, характерные для иных жанров». Хотя Пселл, по мнению Любарского, не совершил открытий в этом жанре (что вообще при высокой степени его разработки было нелегко), традиции красноречия обогатили его творчество, в частности в жанре историографии (с. 174).

В шестой главе («Вершина творчества. «Хронография», с. 175—229) анализируется основное — историческое сочинение Пселла. Глава состоит из трех параграфов, в первом из которых (с. 175—184) рассмотрены вопросы, связанные с новыми открытиями рукописей «Хронографии» и так называемой «Краткой истории» Пселла, вопрос о времени написания этих сочинений и их составе; второй параграф посвящен проблеме жанровых особенностей и композиции «Хронографии» (с. 185—203), третий — искусству Пселла в построении образов его героев — исторических деятелей современной ему эпохи (с. 204—229).

В данной главе (как, впрочем, и в главе третьей) наиболее полно представлен, помимо филологического, другой аспект исследования Любарского — исторический, в особенности источниковедческий. Автор показал, что лишь с формальной стороны «Хронография» Пселла может быть отнесена к традиционному и процветавшему во время жизни писателя жанру средневековой хроники, написанной по царствованиям государей. В действительности же это уникальное по своей оригинальности для XI столетия обозрение истории империи через призму художественного восприятия, развернутое перед читателем не в причинных и хронологических связях, а в «динамике» с блеском обрисованных характеров исторических деятелей.

Субъективный, чисто художественный и этический момент в преподнесении и освещении исторических фактов приобретает поэтому в «Хронографии» Пселла особенно большое значение. С непреложностью доказав это, Любарский, с одной стороны, дает в руки историков ключ к более глубокому и точному пониманию свидетельств этого памятника как исторического источника, а с другой — побуждает специалистов к еще большей осторожности при использовании известий «Хронографии», в которой нередко даже хронология событий сознательно смещена и принесена в жертву «хронологии» характеров (с. 185—203 и сл.).

Считаем нужным отметить, что Любарскому удалось убедительно разрешить проблему так называемого «Письма царя к Фоке», которое фигурировало в рукописях (а затем и в изданиях) историче-

ского сочинения Пселла как некое к нему приложение и которое вызывало недоумения и дискуссии среди ученых. Господствовало представление, что это письмо принадлежит перу Пселла как черновик послания Михаила VII к мятежному Никифору Вотаниату (ведшему род от Фок) в 1078 г. Любарский показал, что эта атрибуция не имеет под собой надежных оснований: «письмо» составлено, скорее всего, столетием раньше, представляя собой черновой набросок письма Василия II Болгаробойцы к полководцу-узурпатору Варде Фоке (с. 181—184).

В последней, седьмой главе монографии («Как выглядели герои Пселла», с. 230—244) автор дает представление о приемах, которые использует Пселл для характеристики внешности своих героев. Сколь ни привержен был Пселл при этом античному литературному трафарету и сколь ни был скован канонами христианской эстетики, автор показал, что и в этой области художественного творчества Пселлу принадлежит особое место среди византийских писателей XI в.

Наиболее важные и общие выводы монографии изложены в ее конце («Заключительные замечания. Пселл и проблема византийского предгуманизма», с. 244—247).

Книга имеет, кроме того, два приложения. Первое («Риторические сочинения Михаила Пселла», с. 248—260) содержит список этих произведений, числом около 80, расположенных в хронологическом порядке, причем датировка нередко принадлежит самому автору. Около четверти списка к тому же составляют неизданные речи Пселла, описанные Любарским по микрофильмам рукописей, полученным им из зарубежных собраний. Значение этого приложения трудно переоценить: это наиболее полная сводка сочинений Пселла такого рода, в ней учтены новейшие исследования, дана, хотя и проблематичная порой, идентификация лиц, к которым речи обращены, и событий, нашедших отражение в этих памятниках.

Второе приложение («Трактаты Пселла по теории красноречия», с. 260—262) обладает всеми основными признаками первого, кроме одного: все эти трактаты уже опубликованы (их общее число — 9).

Нельзя не отметить, наконец, богатейшую библиографию, использованную автором в монографии (см. с. 264—274). Она содержит более 300 названий на десяти языках. Любарский находится в курсе всего нового в мировой историографии, касающейся не только творчества Пселла и проблем византийской литературы XI столетия, но и истории и истории культуры изучаемой эпохи.

Монография имеет также краткий аннотированный словарь титулов и должностей византийских деятелей (с. 275—276) и тщательно составленный указатель имен (с. 277—282).

Оценивая труд Любарского в целом, мы подчеркнули бы в первую очередь значение центрального вывода автора о появлении в творчестве Пселла и его уче-

ных коллег-современников предгуманистических (или даже гуманистических в узком значении слова) тенденций. Не сопоставляя эти тенденции с предрenessансными идеями, характерными для литературы Запада в XIII—XIV вв., автор справедливо, на наш взгляд, подчеркивает такие черты творчества Пселла, как секуляризация мысли писателя, хотя и непоследовательная, отстаиваемое им право на изучение и развитие светских наук, на освоение духовных богатств античной культуры.

Научной истории византийской литературы до сих пор, как известно, не существует ни в советском, ни в зарубежном византиноведении. Созданию такого обобщающего труда должна, видимо, предшествовать кропотливая работа по написанию серии исследований, подобных монографии Любарского, которая в этом отношении вполне может служить ориентиром для других литературоведов. Это тем более вероятно, что автор должен был в своей книге не только охарактеризовать личность и творчество крупнейшего византийского писателя, но в значительной степени разработать и развить самую методологию исследования столь специфического материала, как памятники литературы Византийской империи. Работа Любарского представляется нам поэтому крупным вкладом не только в исследование творчества Михаила Пселла, но и в изучение истории литературы и культуры Византии в целом.

Наши замечания мы можем высказать лишь, разумеется, с одной существенной оговоркой: они касаются по преимуществу той стороны исследования Любарского, которая только косвенно связана с основной задачей монографии — с литературоведческим анализом творчества Михаила Пселла.

Прежде всего о трактовке личности философа. Ставя перед собой цель охарактеризовать ее многосторонне, автор, однако, оговаривается, что он не поднимает проблему государственной и политической деятельности Пселла, — этот специальный вопрос «остаётся за пределами настоящего исследования» (с. 111). Признавая неоднократно крупную роль философа в ряде важных событий внутренней истории империи, Любарский, однако, подчеркивает, что Пселл — при всем его влиянии — не занимал высоких официальных должностей при дворе (см. с. 30, 43, 86, 92, 111; см. также: *Михаил Пселл. Хронография*, с. 208. Приложение).

Но мы усматриваем в этой позиции определенное противоречие: образ философа не может быть охарактеризован с необходимой полнотой без оценки общественно-политической и идеологической роли писателя в обществе. Любарский отказался от мысли некоторых из его предшественников, предлагавших отличать Пселла — человека и царедворца от Пселла — писателя и ученого. В силу этого вне поля зрения и должной оценки оказались политическая нечистоплотность и беспринципность Пселла как государственного деятеля. Автор, правда,

отмечает негативные черты личности Пселла (мы привели на этот счет выше цитату из монографии), противопоставляя его «твердому в своих принципах» Мавроподу. Но характеристика осталась все-таки неполной.

Сам философ при оценке крупного государственного деятеля предлагает в качестве критерия готовность служить благу подданных и посвящать себя работам о процветании государства (с. 210, 216, 217 и др.). Как лицо общественное Пселл, по нашему мнению, руководствовался прежде всего своекорыстными мотивами, и его талантливость и интеллектуальная незаурядность лишь оттеняли его недостатки. Характерная деталь: философа крайне мало интересует жизнь социальных низов и народные бедствия, его упоминания о «народе», «ремесленниках», вообще о простых людях по преимуществу негативны. В этом отношении он невыгодно отличается даже от Иоанна Скилицы, своего современника, бесталанного и, по выражению К. Крумбаха, наиболее недалекого среди хронистов XI столетия.

Сами акты «доброты» и «человеколюбия», проявленные Пселлом, зачастую были небескорыстными, отношения знакомства и приятельства он ставил выше справедливости, антиномию «закон — дружба» решал в пользу личных чувств, качества протежируемого им лица, и деловые, и человеческие, его интересовали менее всего (см. с. 119—122). И в монографии и ранее опубликованных статьях Любарский проводит мысль о том, что «дружба» в ее специфической форме, характерной для той эпохи, служила как бы коррелятом к императорскому деспотизму. Однако меньше сказано в книге об оборотной стороне такого рода взаимной поддержки и покровительства — той стороне, о которой недавно подробно писал Г. Вайс в своей монографии об отношениях Пселла с миром чиновничества. «Дружба», воспеваемая Пселлом, была источником безудержного произвола византийских официалов, ее негативная роль в качестве коррелята к самой официально функционирующей системе обеспечения элементарного правопорядка и гарантии законности, пожалуй, была более серьезной, чем роль в качестве средства защиты и поддержки обездоленных или невинно пострадавших.

Отмечая определенную антипатию Пселла к монашеству и проповеди крайнего монашеского аскетизма, Любарский заключает, что для Пселла как для сына своего времени (он сам был монахом!) отнюдь не характерна «никакая принципиальная неприязнь к монахам как к сословию» (с. 100). Мы в этой связи указали бы на то место «Хронографии», где Пселл явно осуждает рост числа монахов в правление Романа III, скольни риторичен в данном месте его слог (см. по изд.: Рено, т. I, с. 43, гл. XVI). Место это автор оставил без комментария.

Толкуя значение титула «синкелл», Любарский ссылается на статью Афинагора, вышедшую в 1927 г. (с. 92), хотя

на этот счет имеется более авторитетная статья В. Грюмеля (REB, 1945, № 3).

Упомянув о процессе вестарха Михаила Пселла против Элпидия (Любарский не сомневается, что этот вестарх — наш философ; с. 29—30), автор не говорит о той острой дискуссии, которая имела место в специальной литературе по вопросу об атрибуции личности «вестарха» (в частности, Р. Гийан, на которого ссылается Любарский, считает этого Пселла не имеющим никакого отношения к философу и писателю Пселлу; см. об этом: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 192).

Непонятно, почему автор, поместив в конце книги указатель имен, не дал также указателя географических названий.

Оценивая работу в целом, подчеркнем еще раз, что мы считаем ее крупным событием в советском византиноведении. Зрелая, тщательная, богатая мыслями и наблюдениями, содержащая оригинальные и свежие выводы, являющаяся результатом многолетних исследований автора, монография Я. Н. Любарского привлечет, несомненно, внимание мировой научной общественности и получит высокую оценку.

* * *

Почти одновременно, несколькими месяцами ранее рассмотренной монографии, вышла в свет другая работа Я. Н. Любарского, посвященная Михаилу Пселлу: в академической серии «Памятники исторической мысли» был опубликован выполненный тем же автором перевод исторического труда византийского писателя. Издание рассчитано отнюдь не на специалистов в первую очередь, научный аппарат сведен к минимуму, отсутствует библиография, не воспроизведен греческий текст и т. д. Помимо перевода всего текста «Хронографии», включая «Письмо царя к Фоке» (с. 6—196), книга имеет ряд приложений. Это прежде всего большая статья «Историограф Михаил Пселл» (с. 198—263), примечания (с. 264—301), аннотированный список византийских титулов и должностей (с. 302), хронологическая таблица событий, упомянутых в «Хронографии» (с. 303—305), указатель имен (с. 307—316).

Мы считаем возможным говорить и

* * *

Успешное развитие советского византиноведения способствует возрастанию интереса к истории и культуре Византийской империи не только среди медиевистов, но и среди более широкого круга читателей. Свидетельством этому служит увеличение количества выходящих в свет исследований по разным проблемам византийской истории, а также издания византийских текстов в переводах на русский язык¹. Хотя такие издания печат-

¹ Напомним некоторые из этих книг: Агафий. О царствовании Юстиниана/

о собственно научном значении этого труда Любарского. Оно состоит, во-первых, в тщательности научного перевода, выполненного с учетом почти всего прочего литературного наследства писателя и, что особенно важно, с учетом новонайденной рукописи «Хронографии», а также тех конъектур и эмендаций, которые были предложены после издания Рено и получили признание специалистов.

Во-вторых, прилагаемая к переводу статья представляет собой частью сокращенные, а частью, напротив, расширенные выводы рецензировавшей выше монографии, т. е. обобщенный, хотя и облегченный, вариант серьезного научного исследования.

В-третьих, в примечаниях к тексту «Хронографии» Любарский скрупулезно отмечает все трудности перевода, темные места, расхождения в трактовке текста с другими учеными. Подобные замечания весьма ценны для всех тех, кто впредь обратится к «Хронографии» как к историческому источнику или памятнику византийской литературы.

Перевод Любарского к тому же сделан прекрасным литературным языком, весьма удачно, на наш взгляд, передающим стилистические особенности и художественные достоинства оригинала.

В качестве недостатка издания мы указали бы на ряд мелких фактических погрешностей в примечаниях. Так, например, паракимомен Василий сохранял огромное влияние на дела управления империей не только в правление Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия (с. 264), но и в первое десятилетие царствования Василия II (отстранен от дел он был в 985 г., как это верно отмечено на с. 266).

Нет никаких оснований считать Диррахий резиденцией Деляна: (см. с. 273): уже встреча Деляна и Тихомира произошла не в этом городе, а, скорее всего, в Скопье или другом городе Македонии.

Перевод Любарского — прекрасное дополнение к его монографии о личности и творчестве Пселла. Не случайно, что уже сейчас, через два года, эта со вкусом изданная книга, несмотря на ее значительный тираж (52 700 экз.), стала библиографической редкостью.

Г. Г. Литаврин

таются немалыми тиражами, однако они становятся вскоре настоящей библиографической редкостью.

Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. М.; Л., 1953; Анна Комнина. Алексиада / Вступительная статья, перевод, комментарии Я. Н. Любарского. М., 1965; Византийская любовная проза / Перевод с греческого, статьи и примечания С. В. Поляковой. М.; Л., 1965; Никита Евгениан. Повесть о Дросилле и Харикле / Перевод и послесловие А. Д. Александрова. М., 1969; Советы и рас-